

В.В. Зеньковский

Философские мотивы в русской поэзии

Когда я работал над своей книгой «История русской философии», мне очень хотелось написать особую главу (в качестве приложения) о «философских мотивах в русской поэзии». Тогда, по разным условиям, это мне не удалось, но я надеюсь, если хватит сил, сейчас выполнить эту задуманную мной работу.

Вводные замечания

1

Философия, как создание нашего ума, движется к тому, чтобы свести в цельную и единую систему все, что дает знание, что открывается душе через интуиции, через моральный, эстетический, религиозный опыт. Построение именно системы является основной задачей философии. В последние века построению системы предшествует обычно (что вполне справедливо) анализ того, что и как можем мы познавать. Вне гносеологической базы построения философии были бы лишены своего основания.

Конечно, задача, которая стоит перед философией, так сложна, что она остается и ныне нерешенной. История человеческой мысли знает много серьезных и ценных попыток создать «систему» (в Индии, в античной Греции, в эпоху Средневе-

ковья и после нее в Европе — вплоть до последних дней), но при всей примечательности этих попыток ни одна из них не получила всеобщего признания.

Иначе и не могло бы быть! Задача синтеза всех творческих движений человеческого духа постоянно осложняется тем, что человеческое творчество во всех направлениях выдвигает новые и новые материалы, расширяет перспективы. Синтез, более или менее удовлетворительный вчера, сегодня уже не охватывает того, что открылось нового к сегодняшнему дню.

2

Но если философия, как «строгая наука» (определение Гуссерля), остается всегда незаконченной («ouverte», как теперь часто говорят), то это несколько не понижает ценности тех или иных ее построений. Но все философские концепции являются скорее опытами построения мировоззрения, чем подлинно философскими системами. Термин «мировоззрение» выражает ведь ту же задачу синтетического охвата того, чем живет человеческий дух, но «мировоззрение» более гибко, менее строго в смысле формального единства. Философские темы живут в различных мировоззрениях более свободной жизнью и часто в своих разноречивых утверждениях стоят ближе к истине, чем это мы находим в «системах». В мировоззрении уместны и законны интуиции, рационализация которых не удается, — и в мировоззрении часто чувствуется больше подлинного философского вдохновения, чем в законченных системах.

3

Как раз мировоззрения стоят гораздо ближе, чем чистая философия, ко всему безмерному содержанию искусства. Как-то Ланге (автор известной книги «История материализма») определял и философию как «поэзию понятий», имея в виду, что в метафизике часто бывает так же много «вымысла», как это бывает в поэзии. Но Ланге, как правоверный кантианец, просто отвергал возможность познания того, что находится за

пределами опыта, отвергал даже ту «индуктивную метафизику» (определение Эд. Гартмана), которая, опираясь на данные опыта, решается выйти за пределы опыта, чтобы с помощью гипотетических построений пробовать проникнуть в область «непостижимого». Но конечно, принять определение философии, предложенное Ланге, нельзя: и философия и поэзия имеют каждая свою особую диалектику, подчинены в своих построениях особой внутренней логике.

Нет, на таком пути сближение философии и поэзии не может быть поддерживаемо. Тем не менее их взаимная близость не подлежит никакому сомнению, и оттого философские построения, вообще основы мирозерцания многое определяют в художественном творчестве, а с другой стороны, художественные интуиции почти всегда бывают полны философского содержания. К тому же мы должны иметь в виду, что художественное творчество (как и вся моральная и религиозная сфера) является, как теперь многими уже принято, «эмоциональным мышлением». Познавательное мышление регулируется исканием «истины», эмоциональное же мышление подчинено иной диалектике, его смысл — в оформлении и выражении того, что струится в душу через эмоциональные переживания.

Сказанное, при всей его краткости, оправдывает замысел искать в искусстве, в частности в поэзии, «философских мотивов», которые могут и должны быть учитываемы в чисто философских построениях.

Глава I

До Пушкина

Я не собираюсь писать историю русской поэзии, не думаю также подробно изучать философские темы у тех или иных поэтов. Моя задача заключается лишь в том, чтобы отметить все значительное и яркое (в смысле «философских мотивов») у наиболее крупных русских поэтов.

Собственно первым подлинным поэтом надо признать Ломоносова, поэтическое дарование которого было очень боль-